

— Ох, какой же он милый, просто с ума сойти!

— Моё сердце пронзила стрела амура.

— Давайте откажемся от доктора Се, лучше выберем этого парня. Младшие — это так притягательно!

Живительное молоко, предназначенное для желудка, плавно стекало по трубочке в рот Цзян Эньмяня. Ему очень хотелось расспросить о Маомао, но кругом стояли четыре камеры, и Су Янь вряд ли хотел бы, чтобы история с Маомао стала достоянием общественности.

Су Янь держал в руках плед — по всему выходило, что сегодня ночью он останется в больнице.

Цзян Эньмянь снова потянул молоко через трубочку, не в силах отвести взгляд от спины Су Яня. Но что он ел в детстве, что вымахал таким высоким?

Когда с молоком было покончено, как раз подоспело время: Цзян Эньмянь выключил плиту и разлил лечебный чай по термосу и кружке.

Одну порцию нужно выпить сейчас, другую — перед сном, так эффект будет лучше всего.

Цзян Эньмянь вскипятит еще воды, наполнит ею только что купленную грелку и, придерживая кружку, с зажатой в руках грелкой поднялся наверх.

В гостиной никого не было, лишь в спальне горел приглушенный свет.

Цинь Юйи лежал на кровати один, прижимая ладонь к животу. Брови его были сурово нахмурены, а камеры вокруг были выключены.

Цзян Эньмянь бесшумно поставил кружку на прикроватную тумбочку и, осторожно неся в обеих руках чуть теплую грелку, плавно приложил её к животу Цинь Юйи.

Не успел он убрать руки, как его грубо перевернули — мир завертелся. Когда он пришел в себя, то уже лежал на кровати, прижатый сверху Цинь Юйи, который держал его за горло.

— Ты что творишь?

Мозг Цзян Эньмяня опустел. Он моргнул и наконец выдал из себя:

— Ого... вот это да...

Раньше, глядя на боевые сцены с участием Цинь Юйи в кинотеатре, он всегда думал, что там

есть доля фальши, но сейчас он поверил: в фильмах всё было по-настоящему. Он такой сильный!

К счастью, Цинь Юйи лишь повалил его на кровать, спина не болела, но голова все равно немного кружилась.

Цзян Эньмянь, опираясь на локти, сел и поднял руки, словно сдаваясь:

— Я увидел, что у вас болит желудок, хотел приложить грелку.

В суматохе грелка отлетела на другую сторону кровати. Цзян Эньмянь поспешно поднял её и протянул Цинь Юйи.

— А еще вот, лечебный чай, — Цзян Эньмянь указал на тумбочку. — Эту кружку выпейте сейчас, а ту — перед сном.

— Угу, спасибо.

Цинь Юйи не взял грелку и тем более не стал пить чай. Оставив Цзян Эньмяня сидеть на кровати, он молча направился в ванную.

Прислонившись спиной к двери ванной, Цинь Юйи посмотрел на свою правую руку.

Две минуты назад она сжимала шею Цзян Эньмяня. Мягкость кожи все еще стояла перед глазами.

Цинь Юйи потер большой палец о средний.

Мужчина, а такой нежный.

Цзян Эньмянь приложил грелку к собственному животу, глядя на дымящийся лечебный чай.

Хоть он и сказал спасибо, но, кажется, не слишком-то оценил старания.

Цзян Эньмянь не придавал этому значения. Он сел на край кровати — сообщение для объекта симпатии на сегодня еще не было отправлено.

Согласно правилам, на первом этапе шоу нужно отправлять по одному сообщению в день. Хотя

эти требования и не были обязательными для остальных участников, Цзян Эньмянь считал, что должен поддерживать работу режиссера.

Он выбрал нужного адресата и начал набирать текст:

«Сегодня было очень приятно работать с вами, спасибо, что помогли нарезать овощи».

Цзян Эньмянь несколько раз перечитал сообщение и, убедившись, что всё в порядке, нажал кнопку отправки.

В ту же секунду его заслонила тень.

— Пишешь сообщение для объекта симпатии? — Шэнь Цзуннянь был одет лишь в белую рубашку, одна рука была засунута в карман брюк.

— А, да. — Цзян Эньмянь необъяснимо занервничал и машинально спрятал телефон за спину.

— Как думаешь, что нужно сделать, чтобы получить сообщение в ответ?

— Вы разве не получили ни одного?

— Увы, нет.

Цзян Эньмянь украдкой покосился на ванную:

— Возможно, он просто стесняется, вам стоит проявить инициативу.

В конце концов, у великого кино короля Цинь слишком много предубеждений, заставить его действовать первым — задача не из легких.

Шэнь Цзуннянь наклонился, расстояние между ними сократилось еще на десять сантиметров. Он уперся левой рукой в край кровати рядом с ногой Цзян Эньмяня:

— Как считаешь, какая инициатива будет достаточной?

Звук воды в ванной стал тише. Взгляд Цзян Эньмяня начал блуждать:

— Можете подать ему полотенце, когда он выйдет из душа?

— Старший, ты здесь? — Стук в дверь прервал их разговор. Это был Чэн Юйнин. — Не хочешь на ночную пробежку?

В университетские годы они часто выбирались вместе на тренировки.

— Хорошо, иду! — Цзян Эньмянь немного сдвинулся влево и сунул полотенце в руку Шэнь Цзунняня. — Удачи, я не вернусь раньше половины одиннадцатого.

Цзян Эньмянь и Чэн Юйнин, переговариваясь и смеясь, спустились на первый этаж. Линь Лээн сидел в гостиной и смотрел Губку Боба.

Заметив их, Линь Лээн выключил телевизор и подоспел следом:

— Брат Эньмянь, вы куда?

— На ночную пробежку, — Цзян Эньмянь поманил его рукой. — Пойдешь с нами?

Позади Линь Лээна словно невидимый хвост завилял:

— С удовольствием!

Чэн Юйнин и Линь Лээн шли по обе стороны от Цзян Эньмяня, все трое трусили вдоль берега реки.

Чэн Юйнин потер кончик носа и скосил взгляд направо:

— Старший, как тебе живется с ними двоими?

— Вполне нормально. У них очень правильный распорядок дня, хоть и встают рано, но ведут себя тихо, да и храпят во сне.

— А на какой кровати спишь ты? — Чэн Юйнин, разумеется, уже разузнал, что в комнате Цзян Эньмяня стоят одна двуспальная и одна односпальная кровать, говорят, во всех трехместных номерах такая расстановка.

— Конечно, я сплю на односпальной. — Цзян Эньмянь считал себя образцовой «лампочкой», которая не должна светить лишним. — Кстати, никто из вас не испытывает к ним симпатии?

— Конечно, нет, — отрезал Чэн Юйнин.

Линь Лээн тоже покачал головой:

— И я не люблю.

— Почему?

Даже если сравнивать среди восьми участников, они — весьма достойные кандидаты. Шэнь Цзуннянь — зрелый, солидный и состоятельный, такой типаж «властного президента» никогда не выходит из моды. А Цинь Юйи обладает известностью и мастерством, у него собственная кинокомпания — с финансами тоже всё в порядке.

— Слишком старые! — в один голос ответили они.

— Неужели они настолько старые? По-моему, нормально.

Шэнь Цзунняню в этом месяце исполнилось тридцать. А Цинь Юйи, поскольку прославился рано, после стольких лет в индустрии всё ещё двадцать восемь.

Впрочем, да, этим двоим по восемнадцать и двадцать один, для них они действительно староваты. Особенно Линь Лээн, который уже дорос до того возраста, когда можно звать их «дядями».

— Неужели брат Эньмянь любит стариков? — Линь Лээн произнес это с кислой миной.

— Нет, конечно, нет! — Цзян Эньмянь специально нашел взглядом камеру оператора. — Я тоже не люблю таких, как они.

Он не хотел вмешиваться в любовь двух старых пердунов и не желал, чтобы зрители поняли его неправильно.

Цзян Эньмянь спросил:

— А кто вам обоим нравится?

Раз уж старые комбинации не подходят, нужно срочно подыскать им новые цели.

— Ну, конечно, кто-то помоложе, — сказал Чэн Юйнин.

— Да-да, разница в возрасте до шести лет — в самый раз, иначе нет общих тем для разговора.

— Верно, мне нравятся молодые, энергичные и добрые.

Цзян Эньмянь обдумывал их слова, посмотрел налево, потом направо, и тут его осенило.

Молодые, энергичные, разница до шести лет, общие интересы... Да ведь они говорят друг о друге! Вот почему Лээн увязался за ними на пробежку — всё ради Сяо Нина. Это же прекрасно, всё разложено по полочкам.

Цзян Эньмянь с чувством удовлетворения похлопал их по плечам:

— Ладно, я понял, всё беру на себя.

— Старший, а что ты будешь делать, когда в следующий раз будут менять комнаты? — Согласно правилам, комнаты меняют каждые два дня. — Собираешься снова с ними спать?

— Наверное, нет.

Незачем продолжать быть лишним.

Цзян Эньмянь спросил Чэн Юйнина:

— Кстати, ты прошлой ночью спал один?

У Чэн Юйнина была ночная фобия: если кто-то рядом, он спит спокойно, но одному ему обязательно нужен свет.

— М-да, вчера было очень не по себе. — Чэн Юйнин вздохнул. — Я хотел жить в одной комнате со старшим, но оказался слишком глуп, не угадал личность гостя и упустил шанс.

Цзян Эньмянь похлопал его по плечу:

— Обидно за тебя.

— Ой, брат Юйнин, у тебя тоже ночная фобия? У меня тоже, я так боюсь. — Линь Лээн шмыгнул носом. — Я бы тоже хотел, чтобы кто-то был рядом.

— Ох, бедняги вы мои. — Цзян Эньмянь оглядел их двоих. — Ладно, если будет возможность, через пару дней переедем втроем в одну комнату.

— Здорово! Больше всего люблю брата Эньмяня!

— Спасибо, старший, наконец-то мне не будет страшно.

После пробежки Цзян Эньмянь заварил им успокаивающий чай, и они проболтали до половины одиннадцатого.

Цзян Эньмянь на цыпочках поднялся наверх, приложил ухо к двери, послушал целых пять минут и только потом медленно толкнул её.

Из ванной доносился шум воды. Первым он увидел Цинь Юйи.

Выражение лица того было холодным, а будучи актером, он мастерски скрывал эмоции, поэтому Цзян Эньмяню было еще сложнее разгадать, что у него на душе.

Атмосфера была неловкой, но не поздороваться он не мог. Цзян Эньмянь сжимал в руках термос:

— Тот... будете? Успокаивающий чай.

Сказав это, он тут же пожалел: этот человек даже лечебный чай не пил, с чего бы ему пить какой-то успокаивающий?

— Тоже ты заваривал?

— Да, Сяо Нин и Лээн плохо спали, я заодно приготовил побольше.

Цзян Эньмянь из вежливости налил чай в чашку. Цинь Юйи взял её:

— Похоже, ты отлично повеселился, чуть не забыл вернуться.

— Было неплохо. — Цзян Эньмянь не знал, куда деть руки.

Если бы не желание создать возможность для двух великих «будд», он бы ни за что не проторчал внизу так долго.

Разговор не клеился, и Цзян Эньмянь снова почувствовал неловкость.

Позади слышался голос Шэнь Цзунняня, в руках у него было полотенце:

— Иди купаться.

Цзян Эньмянь обернулся и понял, что обращаются к нему. Хотя это напомнило детство, когда родители гоняли его мыться, идея была отличная.

Цзян Эньмянь с радостью взял полотенце:

— Хорошо, иду.

Наконец-то он оставит их наедине! Цзян Эньмянь чувствовал возбуждение и гордость за проделанную работу.

Сегодня нужно поваляться в ванне подольше.

Перед тем как закрыть дверь, он специально добавил:

— Я буду долго, вы ложитесь спать, не ждите меня.

Когда Цзян Эньмянь исчез, пространство мгновенно погрузилось в тишину, атмосфера стала давящей, только тюлевые занавески колыхались на ветру.

Цинь Юйи поднял чашку с чаем:

— Будешь? Это успокаивающий чай, который заварил Эньмянь.

Не дожидаясь ответа, он открутил крышку термоса и сдул пар:

— Или можешь попробовать лечебный чай, который Эньмянь заварил специально для меня.

— Нет, спасибо. — Шэнь Цзуннянь не выразил никаких эмоций, развернулся и пошел в спальню.

— Эй, как думаешь, кому он отправил свое сообщение? — Цинь Юйи отпил лечебного чая, тепло разлилось по горлу.

— Я не знаю, кому. — Шэнь Цзуннянь остановился, обернулся, и его взгляд переметнулся с термоса на глаза Цинь Юйи с ноткой ответной провокации. — Но точно не тебе.

<http://bllate.org/book/22082/2296305>